

Владимир Одоевский

Орлахская крестьянка

Владимир Федорович Одоевский

Орлахская крестьянка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645625
Владимир Федорович Одоевский. Избранное: М.; 2011*

Аннотация

«Часто серая женщина, не дожидаясь вопроса Энхен, говорила: «Знаю, о чем ты хочешь спросить меня», и иногда отвечала на мысленный ее вопрос; иногда говорила: «Не спрашивай же меня об этом, я не могу тебе отвечать», и всякий раз привидение повторяло: «Сломать дом! сломать дом, не то беда... сил моих не достает. О, когда настанет минута моего освобождения!»

Владимир Федорович Одоевский Орлахская крестьянка

*Я предвижусь, что многие
почтут слова мои за выдумку
воображения; я уверяю, что
здесь нет ничего выдуманного,
но все действительно бывшее
и виденное не во сне, а наяву.*

Шведенборг

– Скажите, отчего мы любим брильянты? – сказала молодая княгиня Рифейская, подходя к графу Валкирину, который, сидя в углу дивана, с каким-то особенным вниманием поочередно рассматривал окружающие его лица небольшого домашнего круга княгини.

– Княгиня, – отвечал он, – вопрос ваш гораздо труднее, нежели как вы думаете. Если отвечать вам на него так, как надобно, вы засмеетесь, как и всегда...

Все захохотали: – Ну, уж знаем, что будет!

– Так! Я еще не сказал ни слова, а вы уже все смеетесь, – хладнокровно заметил граф. – Что же будет, когда я скажу? За это не будет вам ответа, – прибавил он с улыбкою, но в которой было что-то грустное.

– Скажите, скажите, – проговорили все в один голос.

– Обещаю вам, что не буду смеяться, – прибавила молодая княгиня.

– Так слушайте ж. Уверяю вас, что ваш вопрос гораздо важнее, нежели как он кажется с первого раза. Да, – повторил граф вздохнувши, – этот вопрос очень далеко заходит.

– Не до потопа ли? – спросила молодая племянница княгини.

– Гораздо прежде, – отвечал чудак с величайшею важно-стью. Присутствующие закусили губы, чтоб удержаться от смеха. Граф был, по-видимому, в нерешимости и молчал.

– Ну, что же? – говорили дамы.

– Что? Поверите ли вы мне, когда я скажу вам, что наше пристрастие к этим светящимся камням есть воспоминание о чем-то давно, давно прошедшем? – Что было время, когда наше тело светилось ярче всех алмазов на свете?.., что эти грубые камни, так скудно рассыпанные по земле, напоминают нам о нашей прежней светлой одежде... напоминают невольно, ибо нам сделалось уже непонятно это светлое состояние!..

Все захохотали.

– Ах, как хорошо должно быть это платье, – сказала княгиня, – из цельного алмаза!.. Нельзя ли вам как-нибудь постараться достать этой материи! хоть на шляпку...

– Знаете ли, княгиня, – сказал граф важно, посмотрев на нее, – то, что вы теперь говорите, говорите не вы?

– Кто же, если не я?..

– Да кто-то другой... Вы, вы не стали бы смеяться над тем, что я теперь говорю; но кто-то другой заставляет вас смеяться. Ему это очень выгодно.

– Да кто же этот другой?

– Этого я не могу вам сказать... – После этих слов все как-то притихли.

В эту минуту встал со стула человек весьма пожилых лет, с холодной, почти безжизненной физиономией, с которым все обращались весьма почтительно, называя его Иваном Крестьяновичем. Граф заметил это движение, с большим любопытством обратил на него глаза и спросил у соседа: «Кто это?»

– Как! вы не знаете? это Иван Крестьянович Рындин, человек с большим весом... Прекраснейший человек, добрый, прямой такой.

Граф опустил голову и о чем-то крепко задумался.

Иван Крестьянович шел заглянуть в другую комнату, где раскладывался зеленый стол; проходя мимо хозяйки дома, он шепнул ей: «Что это за граф у вас? Я его никогда еще не видал».

– Он недавно здесь; он много путешествовал; я не знаю, где он не был: и в Турции, и в Египте, и в Индии...

– Ну, кажется, он немного ума навез из своего путешествия...

– Он немножко странен, но очень мил и забавен...

– Ведь вас, дам, не разберешь! – отвечал Иван Крестьяно-

вич с мужиковатостью, которую выдавал за откровенность, – извините, – вы знаете, я человек откровенный... Ну, что тут забавного? Он просто, что по-русски говорится, несет дичь. Вот за чем нынче ездят по чужим землям – все вздор да пустошь... А что же наша партия? – продолжал Иван Крестьянович, обратясь к подходившему старику.

– Составлена, составлена, Иван Крестьянович; я шел за вами...

– Пойдемте-ка, пойдем на реванж.

Между тем за дамским столиком смеялись и толковали различным образом о том, кто может в человеке говорить вместо его самого.

– Я совершенно согласен с графом, – сказал барон Кейнезейт, молодой дипломат, на время возвратившийся из-за границы, который вслушивался в слова рассказчика с притворною доверенностью. – В проезд мой чрез Германию только и толков было, что об одной крестьянской девушке, в которой будто говорил человек, умерший лет за 400, и будто бы рассказывал такие подробности о том, что было за 400 лет, которые, казалось, не могли прийти в голову простой крестьянки. – Мои добрые немцы всему этому верили...

– А вы видели эту девушку? – спросил граф, мгновенно вышедши из задумчивости.

– Нет. Хотел видеть, но мне сказали, что родные ее никого к ней не впускают, что я нахожу очень благоразумным. Дело все в том, что в эту деревеньку ездило множество народа, и

хоть никто ничего не видал, но деревенька, говорят, обогатилась от приезжающих.

– В этом вся и загадка! – заметили многие.

– Жаль, что вы не заехали в Орлах, – сказал граф. – Правда, когда бедная девушка занемогла, отец перестал пускать любопытных, которые своими расспросами только мучили больную. Об этой истории было много ложных рассказов; но в самом существе она не подлежит ни малейшему сомнению.

– Вы, верно, знаете эту историю в совершенстве, граф Валкирин? Расскажите ее, сделайте милость, – говорили дамы, улыбаясь. – Обещаю вам, что никто не будет смеяться, – прибавила княгиня, также насмешливо улыбаясь.

– Извольте, – сказал граф, – я никогда не отказываюсь от таких рассказов, когда меня просят, ибо, – заметил он, понизив голос, – в вас просит далекое внутреннее чувство, которое вам самим непонятно.

– Ну, еще, еще! – проговорила княгиня. – Однако ж счастье, что в нас говорят не одни черти. Но кто же еще?.. Я не поняла.

– Кто-то, княгиня, кто, несмотря на ваши насмешки, заставляет вас желать рассказа этой истории и возбуждает в вас любопытство... может быть, спасительное, – прибавил граф с таинственным видом, устремив на нее огненные глаза.

– Ах, как странно вы на меня смотрите! – сказала княгиня.

– О, не смейтесь, умоляю вас; прислушивайтесь к тем голосам, которые говорят внутри вас: вы услышите чудные зву-

ки; вы скоро можете приобрести способность отличать один голос от другого, вы...

– Без предисловий, – заговорили все, – историю! историю!

Все придвинулись к столику, за которым сидел наш оратор. Его слушатели были: молодая графиня, княгиня, хозяйка дома, молодой дипломат, возвратившийся из чужих краев, какой-то деловой человек, с весьма важным видом ожидавший партии, молодая племянница княгини, только что вышедшая из пансиона и не потерявшая еще привычки слушать со вниманием и даже иногда удивляться. Наконец было несколько домашних лиц, которые в обществе и в жизни играют роль того, что наши старинные стихотворцы называли затычками, каковы слова: «лишь», «уж» и другие, нужные для наполнения стиха; без них нельзя, а все-таки они никуда не годятся.

Рассказчик начал:

– В Германии, в местечке Орлах, жил, а может быть, еще живет и поныне, крестьянин Громбах, лютеранин, человек очень честный и умный, – так что он даже был выбран в звание какого-то начальника в своей деревне. У Громбаха четверо детей; между ними двадцатилетняя дочь, по имени Энхен, образец немецкого трудолюбия и здоровья: плотная, краснощекая, свежая. Целые дни она на сенокосе или на молотье и одна отвечает за двух работников. Она никогда не была больна, не имела никаких детских болезней, никаких припадков и отроду не отвеживала никакого лекарства.

Школьное учение ей не давалось; она едва знала грамоте и имела даже род отвращения от книг.

– Должно признаться, – заметила графиня, – что ваша героиня вовсе не интересна.

– Я рассказываю истину без всяких прикрас. Все, что я вам буду рассказывать, мне передано почтенными людьми, которые были очевидными свидетелями всего происшествия. – Несколько лет тому назад Громбах купил себе новую корову...

– Не она ли будет настоящею героинею? – заметила насмешница.

– Почти, – отвечал рассказчик. – Но если вы будете меня перерывать, то мы никогда не дойдем до конца. Итак, Громбах купил себе новую корову; вдруг стали замечать, что когда ее привяжут на одном месте в хлеву, то утром она явится на другом месте, также привязанною. Никто не входил в этот хлев, кроме Громбаха и его дочери. В том же хлеву стояли еще три коровы...

Княгиня не могла удержаться: – Какие интересные подробности!.. *C'est du George Sand tout pur!*.. ¹

Рассказчик, как бы не слушая этих слов, продолжал:

– Скоро домашние с удивлением заметили, что кто-то у коров плетет хвосты, да так плотно, как самый искусный мастер. Когда же расплетали хвосты, то они невидимою рукою опять заплетались, как только коров оставляли одних в хле-

¹ Это прямо-таки Жорж Санд! (*фр.*)

ву. Эти проказы продолжались несколько недель раза по четыре и по пяти в день, и никогда нельзя было заметить, кто это делал.

– Ах, мои батюшки! – заметила Рунская, недавно приехавшая из Москвы, – вот до чего у вас в Петербурге дошли ученые; это у нас, в Москве, лишь кучера уверяют, что домовый у лошадей гривы сплетает; поленятся расчесать, да и на домового!

Рассказчик показал снова вид, будто бы он не слышал этого замечания, и продолжал:

– Однажды Энхен доила коров, как вдруг, – извините за невежливость, – невидимая рука ударила бедную девушку так сильно, что чепчик слетел с ее головы. Бедная Энхен вскрикнула; на крик прибежал отец, но возле Энхен никого не было. Прошло несколько дней; в хлеву стала появляться то черная кошка с белою головою, то черная птица, похожая на ворона, и также с белою головою. Все домашние их видели, и однажды кошка бросилась на бедную девушку и больно ее укусила. Такие странные случаи продолжались целый год. Однажды, когда Энхен была с братом в хлеву, вдруг показался в углу огонь...

Деловой человек пожал плечами и вышел из комнаты, бормоча: «Что это за вздор! Будто нельзя найти разговора приличнее бабьих сказок». Место делового человека очистилось, и остальные слушатели плотнее сдвинулись вокруг рассказчика. Он продолжал: – Огонь стал пробивать под крышу.

Закричали; позвали соседей, залили огонь; но тем не кончилось. В продолжение нескольких дней сряду пламя появлялось в разных частях дома, так, что наконец Громбах, приписывая эти пожары злему умыслу, должен был обратиться к полиции. Расставили вокруг дома караульных, но ничто не помогало; несмотря на денной и ночной присмотр, пламя вспыхивало само собою беспрестанно то в том, то в другом месте. Дошло до того, что Громбах с семейством решился выбраться из дома. Дом опустел, но по-прежнему продолжал загораться, несмотря на все предосторожности. Однажды, когда после пожара Энхен в половине седьмого утром пришла в хлев, вдруг в углу, как бы под стеною, явственно раздался младенческий крик. Надобно вам знать, что дом Громбаха построен был на остатке плотной старинной каменной стены, что очень часто встречается в Германии. Энхен позвала отца. Он осмотрел везде и вокруг хлева, но не нашел ничего. В тот же день, в половине восьмого, Энхен в темном углу хлева увидела женщину в сероватом платье, с черною пеленою на голове. Привидение тянулось к девушке и как бы удерживалось невидимою силою. Энхен испугалась, вскрикнула – на крик ее прибежал отец; привидение исчезло.

Бедная девушка, немного успокоившись, через несколько часов снова пошла в хлев кормить коров; смотрит: в том же углу та же женщина в сероватом платье с черною повязкою на голове. Снова то тянется она к Энхен, то исчезает в темноте – наконец перерывающимся голосом, как бы с необычно-

венным усилием, привидение проговорило: «Сломать дом, сломать! – непременно сломать! А не то беда, сгорит – и беда вам всем – так хочет злой – я мешаю ему – но трудно – не могу – сломать – сломать – найдете... Обещай! Обещай!»

Испуганная Энхен все обещала – и привидение исчезло... Ночью, когда Энхен уже лежала в постели, серая женщина явилась снова. «Не бойся меня, – говорила она, – не бойся, я тебе зла не сделаю, я тебя люблю, ты мне сестра; да, я также родом из Орлаха; и родилась с тобой в один день, только – 400 лет прежде тебя, и меня также звали Анной; мне очень тяжело, я связана с злым, ты можешь освободить меня от него – о! Сломать дом, сломать дом поскорее...»

С тех пор привидение так часто стало являться к бедной крестьянке, что Энхен привыкла к этому странному явлению и разговаривала с привидением как с обыкновенным человеком. Энхен часто спрашивала свою чудную сестру: отчего она страдает? Кто этот злой, о котором она так часто говорит? Как она с ним связана? Зачем надобно сломать дом? – Но на все вопросы привидение отвечало весьма неопределенно, вздыхало, грустило и вскоре потом исчезало.

Часто серая женщина, не дожидаясь вопроса Энхен, говорила: «Знаю, о чем ты хочешь спросить меня», и иногда отвечала на мысленный ее вопрос; иногда говорила: «Не спрашивай же меня об этом, я не могу тебе отвечать», и всякий раз привидение повторяло: «Сломать дом! сломать дом, не то беда... сил моих не достает. О, когда настанет минута мо-

его освобождения!»

Часто также привидение предсказывало Энхен разные обстоятельства ее простой жизни, как, например, о приходе того или другого лица, и тому подобное; но [так] как привидение было видимо только одной Энхен, то отец ее, посоветовавшись с докторами, приписывал все рассказы своей дочери – болезни и не решался сломать дом свой. Между тем серая женщина не переставала по-прежнему являться к Энхен, по-прежнему тосковала и умоляла о том же.

– Так и всегда бывает, – заметил, улыбаясь, один из слушателей, – уж если явится привидение, то никогда двум вместе, а всегда кому-нибудь одному, которому и с руки рассказывать об нем что угодно.

– Дослушайте же далее, – отвечал хладнокровно рассказчик и продолжал:

– Настало время сенокоса. Однажды, когда Энхен с отцом пошла на луг, ей послышался голос соседского работника. – Слышите ли, батюшка, Франц кричит нам, чтоб мы погодили, что и он хочет с нами идти? Но отец ничего не слышал. Немного спустя Энхен снова услышала, что тот же голос повторил те же слова и потом засмеялся злобным хохотом. Целый день мелькала перед нею то черная кошка, то черная собака, то взвивалась над нею черная птица; но все это видела одна Энхен – отец ее не видал ничего.

На другой день, на том же сенокосе, невидимый голос сказал на ухо Энхен: «Посмотри-ка, что это за барыня идет к

тебе», и злобно засмеялся. В отдалении перед нею мелькнул образ серой женщины. В самый полдень, когда работники разбрелись, перед Энхен явился, как она рассказывала, мужчина в черном платье, ходил с нею по лугу взад и вперед, приговаривая: «Зачем к тебе ходит эта барыня? Чего ей от тебя надобно? Пожалуйста, ты не слушайся ее и не отвечай ей; она тебя только сбивает с толка. Отвечай лучше мне: я тебе за то дам ключ от погреба под вашим домом; там еще есть бочек восемь доброго, старого вина...» Но в этом голосе было что-то столь странное, что Энхен не могла ему в ответ выговорить ни слова.

В следующие дни тот же человек снова появлялся. «Энхен, – говорил он, – не хочешь ли мне помочь собрать сено? Я тебе дам по талеру за копну; а если б ты знала, какие у меня талеры, звонкие, полновесные! Хочешь, что ли? Да отвечай же мне! Не отвечаешь? Ну, я вижу, ты такая же глупая, как та, которая к тебе ходит».

Иногда черный говорил ей: «Дай мне свою косу; я ее тебе наточу» и в самом деле брал косу, точил ее, и так исправно, что уже целый день не нужно было ее точить. То приставал к Энхен с обольщениями другого рода: «Хочешь, – говорил он, – я тебя проведу к той барыне, которая к тебе ходит? Мы славно повеселимся: там есть чего и поесть, и попить. Да что же ты не отвечаешь? За каждый твой ответ я тебя осыплю золотом – ведь я очень богат...»

Прилежно ухаживал черный за бедною девушкою: то пе-

реворачивал сено, то косил вместе с нею, то рассказывал разные разности, и добивался только одного – ответа; но Энхен по какому-то невольному чувству никогда ему не отвечала. Часто, чтоб выманить ее ответ, он являлся в виде работницы, звал Энхен к отцу, или в виде соседки, которая приходила будто бы навеститься о ее здоровье, – но странно, что черный человек никогда не мог совершенно изменить своего голоса, так что Энхен всегда его узнавала и по-прежнему оставляла без ответа. Однажды, вошедши с сестрою в хлев, она увидела на бревне мешочек, наполненный старинными серебряными деньгами, подняла его, думая, не потерял ли кто из домашних; но в доме не нашлось хозяина этим деньгам, и пропажи никакой не было. Сестра не знала, что делать с этой находкой, как вдруг возле Энхен очутился черный человек и проговорил с злобным хохотом: «Не бойся, Энхен, бери эти деньги, – они твои, я их взял у одного господина, который обманул другого на шесть карлинов. Да хоть поблагодари меня, Энхен; – это тебе за ту пощечину, которую я тебе дал в начале нашего знакомства, потому что ты мне очень нравишься...»

В ту же ночь явилась к Энхен серая женщина. «Ты хорошо делаешь, что не отвечаешь злему черному; не оставляй у себя и денег, а раздавай их бедным. Первый раз, когда ты будешь в Галле, поди по городу, пока тебя кто не кликнет. Тебе подарят денег, а ты на них купи добрую книгу и старайся читать ее, когда тебе будет грустно. – Да что же дом?»

Скоро ли его сломают? Скоро ли? Скоро ли?»

Энхен исполнила в точности данное ей приказание. Дома не ломали, но из денег черного человека отдали часть в штутгартский сиротский дом, другую в галльский дом призрения бедных, остальную в орлахское училище. Однажды, будучи в городе, Энхен проходила по улице; какой-то купец позвал ее к себе в лавку и спросил, не она ли девушка из Орлаха, о которой рассказывают такие странные приключения, и подарил ей гульден, на который и купила она сказанную ей книгу.

С другой стороны, и черный не переставал посещать бедную Энхен под разными образами; он говорил ей: «Зачем ты пускаешь к себе эту барыню? Зачем говоришь с нею? Ведь она тебе денег не дает; я же тебе и деньги даю, а ты не хочешь отвечать мне?» К сим словам черный присоединял то насмешку, то обольщения, то угрозы: «Уж обману я тебя, уж будешь отвечать мне! Ну что тебе в твоей скучной жизни? Ну что радости целый век коров доить и сено косить, – отвечай мне только одно слово, и ты будешь богата, всем довольна, ничего не будешь делать; если же не получу от тебя ответа, – то не пеняй на меня, – увидишь, что будет!»

Эти странные явления несколько времени повторялись непрерывно; то приходил черный, то от одного появления серой женщины исчезал и снова появлялся при ее уходе.

За сим в течение четырех или пяти дней привидения не являлись; но однажды Энхен, совсем здоровая и спокойная,

сказала: – Вот опять идет серая женщина; она говорит, что мне готовятся еще большие страдания от черного, но чтоб я с твердостью перенесла их, что она будет помогать мне. Не понимаю многого, что она говорит, а только повторяет, чтоб скорее сломали дом, что тогда ей будет легче. Ах! Послушайте ее, послушайте, что говорит она! Она говорит, что черный очень зол и мстителен, она его знает... Послушайтесь, исполните ее волю.

Отец Энхен все еще был в нерешимости. Однажды бедная девушка сидела на скамье и вязала чулок; вдруг побледнела и вскрикнула: – Черный, черный! Вот он! Он идет ко мне, он протягивает руки, он жмет мои плечи холодными пальцами, он грозит задушить меня, – вот он! вот он! – «Где? где?» – спрашивали окружающие. – Здесь! здесь! – отвечала Энхен, показывая на сердце; лицо ее подернулось страшными судорогами, глаза помутились, приняли какое-то зверское выражение, и в одно мгновение Энхен заговорила грубым мужским голосом. – Что вам надобно от меня? – вскричала она громко, – что вы пристаёте ко мне? Думаете меня выгнать? Ничего не бывало! Я у вас не в гостях, я здесь начальник – я приор. Слушайтесь меня: здесь под домом... А! опять эта негодная женщина, – опять надоедает мне, – не пойду, – не выйду – ни за что...

Затем последовали ужаснейшие проклятия, которые, казалось, не могли и на ум войти бедной девушке.

Судороги усилились; Энхен упала без чувств; призвали

доктора, – тщетно, никакие медицинские пособия не помогали. Через несколько минут она очнулась сама собою, и хоть была еще слаба, но чувствовала себя совершенно здоровою. Она не помнила ни слов, произнесенных ею во время припадка, ни вопросов, которые ей делали; но рассказывала только, что видела, как черный с ужасным видом приблизился к ней, как оперся на ее плечи холодными как лед руками и вскочил прямо в ее сердце. Она чувствовала, как терзало ее присутствие этого незваного гостя; хотела жаловаться, но не могла: черный вполне распоряжался ее мыслями и речами. Через несколько времени Энхен увидела свою знакомку в сером платье, увидела, как она также приблизилась и также вошла в правую сторону ее груди. Тут между обоими привидениями начался, по словам Энхен, спор, которого она понять не могла, ибо они говорили на неизвестном ей языке, после чего она видела, как черный, проклиная все на свете, вышел из ее тела, слышала, как серая женщина повторяла: «Сломать дом! Сломать дом!» и наконец Энхен утверждала, что она как бы проснулась.

Такая сцена была не последняя; несколько раз Энхен рассказывала снова о появлении то черного, то серого привидения, снова чувствовала прикосновение холодных пальцев, снова заговаривала грубым мужским голосом и впадала в беспамятство.

Тысячи людей собирались смотреть на это дивное явление; присутствие некоторых людей раздражало черного, го-

ворившего устами бедной крестьянки; других он принимал ласково; над иными он насмехался и рассказывал всю их жизнь с самого рождения, открывал такие тайные их действия, которые приводили в ужас слушателей, тем более что между любопытными находились люди, приехавшие издалека, о которых Энхен в своем обыкновенном состоянии не могла иметь никакого понятия.

Выходя из беспамятства, Энхен плакала горько и жаловалась, что у ней, верно, падучая болезнь. Отец был в совершенном отчаянии; лекарства не помогали, и он решился наконец исполнить странное приказание серой женщины: перевез больную на другую квартиру и приступил к сломке дома. Доктор советовал скрыть на время бедную девушку от любопытных, которые своими расспросами, казалось, еще увеличивали ее терзания.

В новом жилище припадки больной продолжались, но с меньшею силою. Замечали, что во время беспамятства лицо ее склонялось то на правую, то на левую сторону, принимало то зверское, то добродушное выражение и наконец совсем склонялось на правую сторону: — это был признак, что припадок оканчивался.

Однажды Энхен сказала: «Сегодня поутру, когда я лежала одна в постели, моя добрая знакомка явилась мне; но она уже была не в сером платье, но под белым длинным покрывалом, которое так сильно блистало, что я не могла смотреть на нее. Она, казалось, была очень весела; велела мне благо-

дарить отца за то, что он исполняет ее просьбу, и потом прибавила: «Теперь я могу тебе рассказать многое. Четыреста лет тому, как мне было еще двадцать четыре года, черный уговорил меня уйти из моего дома; он передел меня в мужское платье и привел меня в свой дом, на самое то место, где теперь находится ваш дом. Я любила его! Когда родился наш первый ребенок, черный тотчас убил его, чтоб его крик не обнаружил нашей преступной тайны; труп был закладен в стену. О! Ужасна была для меня эта минута! Но любовь моя была еще во всем разгаре, – я все простила и снова бросилась в его объятия. Родился другой ребенок; он убил и его; это было слишком; я пришла в отчаяние; мои рыдания надоели жестокому, – он убил и меня! Труп мой также закладен в стене. Несколько лет еще он предавался всем возможным преступлениям и однажды, в минуту бешенства, сделался самоубийцею. С тех пор тень моя бродит за его тенью: мой прах и прах детей моих связывают нас неразрывными узами; ты одна можешь разорвать их, и теперь лишь наступило для того время. Вооружись твердостью, перенеси еще несколько страданий – они не продолжатся долго; этой ценою ты купишь мое избавление!»

Сказав это, белое привидение протянуло руку к девушке. Энхен, пораженная сим явлением, не осмелилась подать ему свою руку иначе, как обернув ее платком; когда рука привидения коснулась платка, платок затлелся, но без всякого дыма. Энхен показывала этот платок родным и знакомым:

на нем явственно прогорелыми местами означались ладонь и пять пальцев.

Приступили к сломке дома. Энхен была спокойна и здорова, как вдруг вскричала с ужасом: «Опять, опять черный! Вот он подходит ко мне, послушайте, что говорит он; он бранит меня, он насмехается над нею (так называла она белое привидение), зачем она рассказала мне его тайны... О, страх! Он говорит, что опять войдет в меня и что хоть это будет в последний раз, но что он будет долго меня мучить». И Энхен замолкла, побледнела; лицо ее приняло зверское выражение, глаза плотно сомкнулись; когда силою поднимали ее веки, зрачка не было видно; пульс не переменялся, а между тем вся левая сторона была холодна как лед. В ту же минуту она заговорила голосом черного; жестоко он насмеялся над всеми окружающими: «Ну, что? – говорил он устами Энхен, – вы узнали все мои проказы? Ну да, я был злодей, так что ж за беда? Что же мне делать? Отец мой был человек богатый; он немножко разбойничал по дорогам, а с ним и я, да еще двое моих старших братьев. У нас был славный замок в Гейслингене, на час пути от Орлаха. Жили мы весело, и к этой веселой, разгульной жизни я очень привык; отец мой умер; старшему брату достался замок, а я пошел ни с чем. Не отвыкать же мне было от моей прежней жизни: вы бы то же сделали на моем месте, не правда ли? Я не забывал красавиц, и они меня не забывали; я их переодевал в мужское платье, и они преспокойно поживали со мной; да

та была беда, что завелись у них дети: не нянчить же мне их было! На беду, между красавицами попадись вот и эта белая барыня, которая повадилась сюда ходить непрощеная; когда я избавил ее и себя от ребят, она и вздумала донести на меня через одного прислужника, – вот этого она не рассказывает. Нарядили суд; беда бы мне была, да и только, но хорошо, что я спохватился да отправил ее в то же укромное место, куда и ребят ее спровадил: искали, искали, ничего не нашли, – так дело и кончилось. Только после уж мне трудно было приводить к себе красавиц: за мною присматривали. Скучно мне показалось на свете жить, подумал: дерево срубят, оно так и лежит – и с человеком то же бывает; подумал, да и перерезал себе горло. Правда, вижу теперь, что не то: нет мне покоя ни на минуту, да зато и другим не даю покоя; брожу, брожу, – замечу, у кого дверь отворена, и вскочу в нее, – ведь нашему брату куда хорошо приютиться в человеке, и не холодно и не жарко; в ином так весело, что живешь в нем целую жизнь, да и знака не покажешь; живешь смиренно целые годы – никто не заметит; умираете вы только скоро, негодные, – то и дело переменяй квартиру. Хотел было я приютиться в этой глупой девчонке, сам не знаю, как забрел к ней, да, вишь, нашла себе покровительницу... Только что сердят да выживают меня, – зато от меня и достается!»

С каждым из сих слов страдания бедной Энхен увеличивались; она металась во все стороны, – шесть человек присутствующих не могли держать ее; страшные судороги сво-

дили ее члены; из уст ее вырывались то самые ужасные проклятия, то насмешки.

Между тем дом сламывался; под фундаментом его нашли своды совсем другой постройки, по-видимому, принадлежавшие весьма давнему времени. В этих сводах открылось место, которого известка явственно отличалась от находящей в других частях строения. Едва ударили в это место киркою, как из него посыпались человеческие кости. В ту же самую минуту Энхен, находившаяся в другом доме и, разумеется, не могшая знать о случившемся во время сломки, вдруг пришла в себя, почувствовала себя совершенно здоровою, и с тех пор припадки ее не возвращались. Свидетелями этой сцены были несколько врачей и многие другие известные в Германии люди.

Вот вам моя история. Из нее вы, княгиня, можете вывести, в виде нравоучения, что бывают случаи, когда действительно говорим не мы, а кто-то другой говорит за нас...

Рассказчик умолк, – Было уже за полночь. Потому ли, что в эти часы воображение всякого человека бывает более или менее склонно к чудесному, оттого ли, что граф говорил красноречиво – но насмешек не было, а все как-то невольно призадумались.

– Позвольте, однако же, заметить, – сказал Звенский, молодой племянник княгини, только что вышедший из университета и который слушал рассказчика с большим внимани-

ем, – позвольте заметить, что это происшествие ничего не доказывает в пользу вашего мнения и что все, вами рассказанное, очень хорошо может быть объяснено известными законами природы. У бедной Энхен действительно была падучая болезнь; а известно, что в этой болезни после самого ужасного припадка человек чувствует себя совершенно здоровым и не помнит ничего, что с ним было. Рассказы Энхен, видимо, почерпнуты из немецких сказок, в которых белые и черные привидения играют большую роль; что же касается до того, что ее припадки прекратились в ту самую минуту, когда найдены были кости, то это не иное что, как случайность, которая могла быть и не быть.

– Так, – отвечал граф Валкирин, – но вот в чем дело, не только Энхен, но даже и терпеливые немецкие ученые не подозревали существования замка, о котором говорила Энхен. Ее слова расшевелили всех антиквариев; пошли толки в журналах, начали рыться в архивах и между кипами старых бумаг, в которые сотни лет никто не заглядывал, отыскивали подлинное дело о следствии, произведенном за четыреста лет над злодеем, жившим, как видно было по документам, на самой том месте, где потом был построен дом Громбаха, отца Энхен. Другие документы обозначали то место, где находился гейслингенский замок, которого развалины до сих пор могут видеть путешественники и которого существования также никто не подозревал до той минуты.

– Вы знаете, – отвечал молодой человек, – что во всех ис-

ториях такого рода многое должно быть исследовано с большою тщательностью, как юридический процесс; но позвольте заметить и то, что все подобные происшествия перестают быть чудесными с тех пор, как нам стал известен магнетизм...

– Известен? – повторил граф с едва заметною, но горькою улыбкою. – Берегитесь, молодой человек, чтоб он в самом деле не сделался вам вполне известен! – прибавил граф таким выразительным тоном, что молодой человек не нашелся, что отвечать, а только посмотрел на графа с удивлением и любопытством.

Разговор кончился, гости стали расходиться. На лестнице дипломат очень остроумно на ухо дамам подшучивал над рассказчиком, а сам думал про себя по-французски: «Право, недурное средство; этого молодца все слушали, а мне не удалось вымолвить ни слова; оставалось только глотать свой язык; а недурное средство – надобно испытать его! Необходимо прочесть что-нибудь об этих бреднях; Европа уж так сделалась известна всякому встречному и поперечному, так избита, что говорить о ней становится делом дурного тона. Нечего делать, надобно будет приняться за бесовщину, а потом... потом перещеголять этого молодца... Можно найти что-нибудь и пострашнее его рассказа...»

Сии размышления были прерваны криком швейцара, который провозглашал исковерканную фамилию нашего дипломата...